

Евгений КОРОБЧЕНКО

Красноярск

Евгений Васильевич Коробченко родился в 1941 году в городе Лиски Воронежской области, в семье железнодорожника. В 1949 году пошёл в железнодорожную школу № 9, в 1956 году окончил 7 классов и поступил в Россошанское медицинское училище Воронежской области. По специальности фельдшер. Работал в Тюмени, в областном тубдиспансере. Служил в рядах Советской Армии. Учился в Красноярском государственном медицинском институте, одно-

временно работал в больнице неотложной хирургии рентген-лаборантом. В 1970 году распределён на работу в Красноярский краевой противотуберкулёзный диспансер. С 1971 по 1986 год работал врачом-рентгенологом в поликлинике КраАЗа. В 1986 – 1991 годах — фотограф крайфотообъединения. С 1991 года — пенсионер. Публиковался в журнале «Первая краевая» (журнал Красноярской краевой больницы), в газете «Красноярский рабочий».

ДЕТИ ВОЙНЫ

Продолжение. Начало в «НЭЛ» №№ 5/2021, 1 – 4/2022

*Процесс фотографический
Весьма заманчив был,
Пятнадцать аппаратов
За жизнь я накупил.
И это увлечение
Задаром не прошло,
Оно меня к профессии
Попозже привело.
Пока же медицину
Усиленно учил,
Отличником учёбы
В училище прослыл.
Там на Доске почёта
Имелся мой портрет,
Потом слегка «зазнался» —
Стипендии и нет!
Урок мы прогуляли
С ребятами тогда,
Решили: рецептура —
То просто ерунда.*

Весной «снимались» в парке,
И было невдомёк,
Что больно нам «аукнется»
Пропущенный урок.
Директор «папа Костя»
[Константин Павлович Скуратов]
Тогда издал приказ:
Стипендии лишили
За разгильдяйство нас.
Висела стенгазета
В училище у нас,
Там был я с фотокамерой
Изображён как раз.
Накрывшись тряпкой чёрной,
Я резкость наводил,
А камера стояла,
Опёршись на штатив.
Два друга, приобнявшись,
Позировали мне,
И «молнии метали»
Стихи на той стене:
«Из группы фельдшеров
Нашлись „мудрецы“,
Покинув рецептуру,
„Гулять“ они пошли».
Я больше не прогуливал
Отныне никогда,
Запомнил: разгильдяйство —
Огромная беда.

Сентябрьская учёба —
«Уборочной» накал.
Однажды на учёбу
С каникул опоздал.
Пока из Лисок в Россошь
Тащился паровоз,
Ребята на автобусе
Уехали в колхоз.

Название деревни
Мне секретарь сказал,
И тридцать километров
Пешком я прошагал.
Студенты удивились,
А староста ругал
[Василий Домнич],
Что я тогда в деревню
На сутки опоздал.
Работы было море,
Задание дано:
Початки кукурузные
Ломать нам веленó.
На просеку в корзинах
Початки мы несли,
Пока валяли в кучу,
Чтоб после увезли.
Мы кузов загружали
Полуторки родной,
И в силосную яму
Шёл груз очередной.
Однако наш водитель
Ушёл тогда «гулять»,
И стал самостоятельно
Авто я подгонять.
Баранку эту круглую
Отчаянно крутил,
А грузовик-полуторка
Зигзагами катил.
От кучи и до кучи
Машину подгонял,
Водитель появился —
Меня он приобнял:
«Ну, ты — пацан что надо,
Не каждый сможет так,
Машина тебя слушает,
Наверно, ты — мастак!»
А вечером в избушке,
Где спать мы улеглись,

Устроил «хохотушки» —
Аж животы тряслись!
Наш староста Василий
Тут «рявкнул» в темноте:
«Уймись же ты, зараза,
Сил не имею слушать
Уж анекдоты те!
Нам завтра на работу,
А ты нас всё смешишь.
Живот болит уж что-то,
С тобою не поспишь!»
Пришлось и мне «заткнуться»,
Настала тишина,
Ребята захрапели,
И лишь в окно светила
Полночная луна.
Окончена работа,
Нам надо выезжать.
На шлях толпой мы вышли
(Нас было двадцать пять).
Автобус шёл по шляху,
Его «поймал» Василь,
В него мы загрузились,
Едва осела пыль.
Шофёр назначил цену
(Рублишек двадцать пять),
Но были все без денег —
Пришлось свои отдать.
Ребята долг «простили»,
Никто и не отдал,
Билеты наш Василий
Потом шофёру сдал.

В другой сезон томаты
Пришлось нам убирать,
Они в степях воронежских
Умели вызревать.
А степи те бескрайние,
Рядкам там нет конца,

Студенты наклонялись
К томатам без конца.
«Накланявшись» растениям,
Все помидоры сняв,
Их в ящики сложили,
Порядочно устав.
Томатами объевшись,
Задумали играть:
Друг в груга помидорами
Мы начали швырять.
По полю с визгом бегали
С томатами в руке,
Швыряли парни метко
(Девчонки — вдалеке).
Вот к ящикам подъехал
Уже огромный ЗИЛ,
С парнями нашей группы
Те ящики грузил.
Два дядьки борогатые
Приехали в ЗИЛе,
Из города отправлены
Работать на селе.
«Нам грузчик бюджет нужен», —
Водитель тут сказал.
Тогда Василий-староста
Меня к ним подослал.
Мы ехали в кабине,
Водитель руль крутил,
Тут дядька борогатый
По ходу вдруг спросил:
«А где у вас цирюльня?
Мы шибко заросли,
Не можем оторваться
От матушки-земли.
Не брились целый месяц —
Всё урожай иждёт.
Теперь уж нашу бороду
И бритва не возьмёт».
Шофёр тут засмеялся:

«Такую бородищу,
Что выросла у нас,
Попросим стричь машинкой,
И будет в самый раз!»

На третий год нам свёклу
Пропалывать пришлось,
«Драть» голыми руками
Сорняк тот довелось.
Рядки свёклы колхозной
Ушли за горизонт,
От солнышка палящего
Не спрячешься под зонт.
Мы ползали по полю,
Как майские жуки,
У каждого побега
Торчали, как пеньки.
Руками вырывали
Осот и молочай,
Потом мы борщ хлебали
И пили с хлебом чай.
А хочешь чая с сахаром —
Сначала потрудись
И «буряку» колхозному
Здесь в «ножки» поклонись.
Сорняк же всходы хилые
Вплотную обступил,
Чтоб тот «буряк» не вырос,
Никто чтоб чай не пил.
На корточки присевши,
«Спасали» мы «буряк»,
Тогда студент Василий [Гончаров]
Придумал делать так:
Рядок свекольный глинный
Меж ног он пропускал,
Траву хватал руками,
Пока он вдоль бежал.
То «новшество» заметил
Колхозный агроном,

Работу он не принял
Василия потом.
Нас с поля вывозили,
Шофёр был шибко пьян,
Я старосте отметил
Водителя изъян.
Девчонки влезли в кузов,
Стояли на ногах,
Водитель гнал машину,
А впереди — овраг!
Кричал я: «Стой, подлюка!
Куда так быстро прёшь?
Овраг не видишь, что ли?
Погибнем ни за грош!»
Шофёр остановился,
В меня он вперил взор:
«А может, ты поедешь?
Быть может, ты шофёр?»
Все сразу загалдели:
Мол, Женька, ты — «заткнись»;
Водитель скорость снизил,
Тихонько съехал вниз.
На полюшко свекольное
По осени попал,
Там женщины-колхозницы
Грузили самосвал.
Потом они сидели
У куч тех «буряка»
И листья обрезали,
Машины нет пока.
Авто «буряк» возило
На сахарный завод,
В бурты свеклу валило,
Коль урожай идёт.
Потом «буряк» промытый
Водою в цех поплыл,
Резак его порезал
И сильно измельчил.

Ту массу заливали
Тут чистой водой,
Потом подогревали —
Пошёл сироп густой.
А сахарную пудру
Уж аппарат вдувал,
Чтоб вырос из сиропа
Здесь сахарный кристалл.
Процесс тот непрерывный
Нельзя остановить,
Приехали евреи
Процесс тот изучить.
И вдруг из Тель-Авива
Технологу — звонок
[Альбине Викторовне Цыбиной]:
«Что делать, подскажите?
Забыли мы урок!
Залили в аппараты
Как надобно сироп,
Домой ушли в субботу,
Там помолиться чтоб.
Когда же в понедельник
Работать собрались,
То оказалось: в сахаре
Кристаллы все „спеклись“.
Забилась аппараты,
В них — сахарный „бетон“.
Скорее подскажите —
Мы шлём тебе поклон!»
«Быстрее размывайте
Вы тёплой водой,
„Бетон“ ваш превратится
Опять в сироп простой».

Студентом института
Картофель я копал,
Один из нашей группы
Тогда я вилы взял.

Нас долго вёз автобус
В колхозные поля,
Где под деревней Глядень
Жгала нас та земля.
Кусты девчонки дёргали,
Кто — палочкой копал,
Таскали парни вёдра,
Кто — клубни выбирал.
Тогда я «чудо-вилы»
Домашние «включил»,
Работою ударной
Девчонок заманил.
Студенток восемь было,
Просили «подкопать»,
Рядков пришлось мне в «мысле»,
Конечно, восемь «гнать».
Всё это повторялось
На службе каждый раз,
Когда копать картошку
Просил крестьянский класс.
На спущенном баллоне
Привёз народ ЛиАЗ:
«Вы колесо смените —
И будет в самый раз.
Пока мы здесь копаем,
У вас в запасе — день!»
Рукой махнул водитель:
«Всё это — гребедень!»
Работали, смеялись,
«Травили» анекдот.
Тамаре Тихонович
Оса влетела в рот,
Ужала ей нёбо —
Мгновенно смех исчез.
За перочинным ножиком
В карманы я полез.
Отёк гортани может
Тамару удушить,

Тогда трахеостому
Придётся наложить.
Весь день с Тamarой рядом
На поле я пробыл,
За нею наблюдая —
Отёк не наступил.
Для вывоза картошки
Машины не пришли,
Тогда бурты большие
Ботвой мы загребли.
И лишь через неделю
Авто смогли нам дать,
Замёрзшую картошку
Могли лишь свиньи жрать...
Свезли картофель с поля
В свинарник мы потом,
Её «хавроньи» съели
С огромным животом.
В автобус перекошенный
Обратно лез народ,
Мне сердце подсадало:
«Он нас не довезёт».
До трассы не доехав,
Взорвался наш баллон,
Шофёр на землю прыгнул,
И «репу» чешет он.
«Ведь я предупреждал вас —
Смените колесо!»
«Да не моя машина,
Я первый день ещё.
Не знаю, где „запаска“
И есть ли инструмент.
Меня с маршрута сняли —
Таков „эксперимент“».
Народ ушёл на трассу
Попутные ловить,
А я помочь остался
Баллоны заменить.

*Обшарили автобус,
Нашли домкрат, ключи,
Но гайки заржавели —
Их надо «отмочить».
Сорвал себе я спину,
Те гайки покрутив,
С поездки на «больничный»
Тогда я угодил.
Однако дело сделано:
Поставили баллон,
Потом вдруг оказалось,
Что полуспущен он.
В багажнике автобуса,
На счастье, шланг нашли,
Компрессором давление
До нормы довели.
Меня домой доставил
Шофёр по темноте,
Надолго мне запомнились
Сельхозпоездки те.*

*Читатель, я отвлёкся —
Так тема хороша!*

Если хочешь быть здоров — закаляйся!
Дом отдыха «Дивногорье», Воронежская область. Февраль 1959

*Во мне от дед а с бабкой —
Крестьянская гуша...
Вернёмся в медицину:
На фельдшера учусь,
В дом отдыха отправлен,
Чтоб там развеять грусть.
Девчонку черноглазую
На танцах встретил я,*

Знакомство состоялось.
Дом отдыха «Дивногорье», Воронежская область. Февраль 1959

С густейшей шевелюрою
Избранница моя.
Шевченко Люба эта
Украинкой была,
Она мне жизнь нарушила,
Покой мой забрала.
Была такая скромная,
Читала много книг,
И сердце «прикипело»
К девчонке этой вмиг.
Зимою дело было,
«Огонь» в душе пылал,
Хоть тело на морозе
Водой я обливал.
Уехала в Воронеж
Она к своей сестре,
Её и не догонишь —
Уж выпуск по весне.

Культпоход на Большие Дивы.

Дом отдыха «Дивногорье», Воронежская область. Февраль 1959

Друг другу письма пишем
Потом мы с этих пор,
Но всё не получается
Душевный разговор.
Красавице не нравится
Профессия моя.
(У Любы — медицинская
Была её семья:
Мама — акушерка,
А папа — агроном,
И четверо детишек
Имеется при том.)
Она работу медика
Представила вполне,
И с ней мы поругались,
Расстались по весне.

В деревню Воробьёвку
На практику попал,
Там двухэтажный в парке
Красивый дом стоял.
Работала больница
В том здании большом,
Купались ребятишки
В пруду там нагишом.
И в том пруду чудесном
Удил я карасей,
Больные поступали
Сюда с округи всей.
Была тут хирургия,
И терапия есть,
А Козырева, доктор,
Служила «детским» здесь.
Однажды на планёрку
Явилась вся в слезах,
Когда больной ребёнок
Скончался на руках.
В родильном отделении
Дежурить я любил

И в родовспоможении
Здесь опыт получил.
Мне акушерка Шура
Решила помогать
И опыт богатейший
Сумела передать.
Козлова, роженица,
Рожала в первый раз,
«Высокая промежность»
У женщины как раз.
Я предлагал «разрезать»,
Но Шура — не гала,
Головка у ребёнка
Уж слишком долго шла.
Но всё благополучно
Прошло и в этот раз:
Малыш заплакал звучно,
Обрадовав всех нас.
Те навыки бесценные
Мне применять пришлось,
Ведь роды у супруги
Принять мне довелось.
На скорой подрабатывал,
А воды — отошли,
Я «защитил промежность»,
Пока в роддом везли.
Едва внесли в прихожую
Рожавшую жену,
Сыночек «пулей выскочил»
В носилках на полу.
Я как-то исхитрился
Его тогда поймать,
Супруга моя стала
В то время дважды мать.
Ребёнок во всё горло
Отчаянно кричал,
Его я акушерке
С рук в руки передал.
Главврач больницы сельской

[Иван Борисович Борисов]
Мне практику зачёл,
В бумагах подпись ставя,
Нотацію прочёл:
«Что в нашем деле главное?
Добраться ты смоги,
Купи сначала яловые,
Смажь дёгтем, сапоги.
Ведь фельдшером непросто
У нас в деревне быть,
Придётся днём и ночью
Здесь грязь тебе „месить“.
Что с акушеркой у тебя?
Сказали, с Шурой грузишь?
Всего не перепьёшь вина,
Всех женщин не „переобслужишь“...
Стремиться к этому должны,
Конечно, все мужчины,
Девчонки „виснут“ на плечах,
На шее — ни единой!
Сначала в армию сходи,
Потом уже — женись!
Ну что нахмурился, чудак?
Давай-ка улыбнись!
Привет Странковской передай
[Валентине Фёдоровне],
Учились вместе с ней,
Здоровья ты ей пожелай
И жизни долгих дней!»
Хирургом был Борисов,
Имел он грозный вид:
Лоб, подбородок, щёки —
Был оспою «побит».
А тут он улыбнулся,
Улыбка хороша —
Живёт в том грозном теле
Широкая душа!
Залез на третью полку,
В вагоне сладко спал

И Россошь (остановку)
Нечаянно проспал.
Сошёл лишь в Митрофановке,
Полдня «обратный» ждал.
И в «мыле» на экзамен
В тот день я прибежал.
Сгавали хирургию,
Странковская ждала,
В последние минуты
Экзамен приняла.
Любимым педагогом
Странковская была,
«Отмеченная Богом»
Хирургом прослыла.
Назвал я «сучьим выменем»
Под мышкой что болит,
Она меня поправила:
«Зовут — гидроаденит».
Я с нею согласился,
Но всё ж успел сказать:
«Народное название
Нам тоже надо знать».
Странковской наставления
Потом я вспоминал,
Когда кинжалом острым
В лесу гнойник вскрывал.
Мы были на охоте,
Большой был коллектив,
И где-то офицер наш
Занозу «засадил».
Назавтра — палец «жёлтый»
И «красная» рука.
Я полстакана водки
Просил принять пока.
У Толика Самсонова
Острейший был кинжал,
Вот им тот панариций
Больному я вскрывал.
Прополоскали в водке

И палец, и кинжал,
Рукою левой крепко
Тот палец я зажал.
Рукою правой лезвие
Я сверху обхватил
И кожу пальца сбоку
Решительно раскрыл.
Гной брызнул под давлением,
Но я успел сказать:
«Учила нас Странковская —
Гной надо выпускать!»
Промыли рану водкой,
Повязку наложил,
Больной наш успокоился
И сразу же ожил.
Назавтра — спала опухоль,
Нормальная рука,
И дальше продолжали мы
Охотиться пока.

Как раньше я отметил —
Могу людей смешить.
Сказал мне «папа Костя»
[директор училища]:
«Завклубом тебе быть!»
Когда на сцену вышел —
Охватывает транс,
И вскоре мне доверен
Здесь местный конференс.
Играл на аккордеоне
Евгений Дубовиков,
Ансамбль вела здесь струнный
Студентка Головка.
Готовил зал спортивный
К урокам по «физо»,
Скамейки расставляя
Вдоль стен — в том и резон.
А коли «фильм приехал» —
Вернул скамейки в ряд,

Студенты и студентки
Рядочками сидят.
За вход киномеханик
Давал тогда билет,
Я пропускал мальчишек,
Коль денег у них нет.
Особо «гоставалось»
Ребятам в Новый год
И в праздники другие,
Когда концерт идёт.
Тут толпами валили
Чужие парни к нам,
А мы их не пускали —
Нас били «по соплям».
Однажды парень крепкий
Кулак мне «сунул» в нос,
Когда в «нужник» отправился
Решать там свой вопрос.
Однако уклонился,
Удар прошёл лишь вскользь,
Тот парень удивился,
Что не сломал мне нос.
«Ты, видно, парень крепкий, —
Тогда он мне сказал. —
Удар всегда мой меткий,
А ты вот — устоял!»
У нас учитель «добрый»
«Физо» преподаёт
[Добрыдень],
Себя студент наш «фельдшер»
В обиду не даёт.
Ещё к нам лётчик ходит
По имени Рудольф,
Ребятам объясняет
Особую их роль:
«Наш медик везде нужен,
Особенно в войну,
Спасёт он жизнь солдата,
И даже не одну.

А если к партизанам
Придётся прыгать в тыл?»
Тут парашют нам лётчик
В спортзале разложил.
Полотнище огромное
Мы стали собирать,
Верёвки-стропы крепкие
Друг к другу подгонять.
Мы парашют сложили
В особенный чехол,
С ним — парашютик малый
Торчал, как чуб-«хохол».
Сложили всё гармошкой
И, в ранец запихав,
Тот ранец мы закрыли,
Чеку в нём продвигав.
Её в полёте выдернуть
Придётся за кольцо,
Спружинят створки ранца,
Хоть ветер бьёт в лицо.
И воздухом наполнится
Тот кроха-парашют,
Чехол он с основного
Потом и стянет тут.
Вот распустился в небе
Теперь и основной,
И плавно опускается
Спортсмен к земле родной.
А если не раскрылся
Иль купол вдруг «погас»?
Тогда с огромной скоростью
Земля притянет нас!
С медичкой Людой Ружиной
Всё то произошло:
Она уж опускалась,
И купол был тугой,
Когда на её купол
Упал-скользнул другой!
У парня не раскрылся

В то время парашют,
Его поймала Люда
На несколько минут.
Держала стропы крепко,
Не дрогнула рука —
На куполе единственном
Спасала паренька.
Остались оба живы,
Но страху — Боже мой!
Вот для такого случая
Дается «запасной».
Про генерала Лебеда
[Александра Ивановича]
Я в книге прочитал,
Как, было, с парашютом
В курсантах он «сигал».
Его порывом ветра
Куда-то понесло,
Когда он там осваивал
Десанта ремесло.
В войсках у «дяди Васи»
[ВДВ — воздушно-десантные войска]
Науку постигал,
И то при приземлении
Он копчик поломал.
А тут — девчонка юная
Попала в «переплёт»,
Но выдержала с честью
Судьбины поворот.
Однажды в морг больничный
Доставлен был пилот,
Когда неподалёку
Разбился самолёт.
Спасть пытался лётчик,
Когда заглох мотор.
«Да что-то с катапультной...» —
Был после разговор.
Его о хвост ударило,
Летел он камнем вниз,

А купол не раскрылся —
Не смог тогда спастись.
На теле не замечено
Царапины простой,
Но было ощущение:
Поднял мешок с трухой.
Мы жили на квартире
В то время вчетвером:
Девчонки две — с бабулей,
Мы в кухне — с друганом
[Алексеем Тищенко].
Зима прошла холодная
В учёбе и трудах,
Весной покрылись белым
Все яблони в садах.
Оркестр играет в парке,
Мы танцем увлеклись
И поздно на квартиру
К бабуле приплелись.
Она нам наказала,
Чтоб поздно не ходить,
Сюда подруг-девчонок
Совсем не приводить.
Стучим в окно бабуле —
И ухом не ведёт,
Девчонки-квартирантки
«Воды набрали в рот».
Кусок стекла оконного
Валялся на земле,
Его тогда использовал
В затейливой игре:
Сначала постучался
Я в раму со стеклом,
Разбил кусок стекольный
О камушек потом.
Старуха дверь открыла,
Кричала: «Калавур!» [«Караул!»]
«Да успокойтесь, бабушка,
Ведь вас я обманул!

Стекло, что в раме, — целое!
О чём тут говорить?
Я „фокус“ этот сделал,
Чтоб двери нам открыть».
Квартиру, что попроще,
Пришлось мне подыскать.
Жила у райбольницы
Двоих сыночков мать.
Они давно уехали,
Не пишут писем ей,
Она желанных писем
Ждала по много дней.
Меня просила бабка
Сыночкам отписать,
Что «убедительно и слёзно»
Ждёт весточки их мать.
Бабуля долго плакала,
Её «прорвало» вдруг:
«Да будь же ты неладен,
„Москальский“ Бузулук».
На рынке продавала
Капусту бабка та,
А с ней была морока,
Сплошная маета.
«Сердечко „распльвося“
[„распльлось“]», —
Барбицкий мне сказал,
Сегодня на «рентгене»
Меня он «просвещал».
С больным бабуля сердцем
Была тут не одна:
Прошла здесь, прокатилась
Великая война.
Лишь взрослым став, однажды,
Спустя десятки лет,
О жизни той военной
Узнал я из газет:
Здесь полк стоял румынский
В прошедшую войну,

Солдат заснят с винтовкой.
Я ахнул: «Ну и ну!»
На фоне колокольни
Заснят был тот солдат,
Румынский снайпер это —
Нам буквы говорят.
Он лез на колокольню
И сверху всех стрелял,
Играя, забавляясь,
Людей он убивал.
Студентами ломали
Той церкви мы кирпич,
Тогда нам объявляли:
«Религия — наш бич!»
Два трактора тащили
На тросах «барабан»,
Но крепко церковь сделана —
То им не «по зубам».
Живу у райбольницы,
Читаю по ночам,
«Россия молодая»
Досталась как-то нам.
Её читал запоем,
Подкручивал фитиль,
Давно уж в лампе кончился
В ту ночку керосин.
Того я не заметил —
Так книга хороша,
И пела, ликовала
Той ноченькой гуша.
В свободную минуту
В больницу бегал я,
Любил работать в скорой
Ночами я, грузья.
Однажды дело было:
Мы женщину везём,
Что от плода избавилась
(Нас вызвала потом).
Пришлось кровотечение

Бедняге унимать
(Аорту ей брюшную
Там надо прижимать).
Сосуд прижал страдальце
Тогда я кулаком,
А фельдшер сокрушалась:
«Её не довезём...»
Но женщины живучи:
Доставили в роддом,
Её там «поскоблили» —
Жива была потом.
В года послевоенные
Аборт был запрещён
[по инициативе И. В. Сталина] —
О росте населения
Заботился ведь он!
Однако гибли мамы,
Ребёночка убив,
Аборт тот криминальный
Подпольно совершив.
А медика-«кудесника»,
Что женщине «помог»,
Судили и «садили»
Тогда на энный срок.
Однажды комсомольское
Собрание прошло,
Когда письмо из дома
Директору пришло.
Студентка в нём писала,
Расстраивая мать:
«Приходится мне кровью
Своею торговать...»
Возможно, денег не было,
Решила кровь сгавать;
Директору отправила
Её письмишко мать.
Студентку осуждали,
Ругали все её
За то, что описала

Голодное житьё.
Судьбы её не помню,
Запомнил лишь накал,
С каким тогда директор
Со сцены выступал.
Второй уж курс заканчивал,
Вернулся к бабке сын,
На «Волге» двадцать первой
Приехал он один.
Пошла тут в доме пьянка,
Друзей сын приводил,
Они там водку пили,
Я в магазин ходил.
Бутылку ту «Столичной»
Пытался я открыть,
Ударом выбить пробку,
Немного «пофорсить».
Но от удара в донышко
Бутылка взорвалась,
И водка та «Столичная»
Вся на пол пролилась.
Со Свириным — студентом
[Митрофаном] —
Судьба тогда свела,
Но хрен не слаще редьки —
Квартирная хозяйка
Безбожно там пила.
Здесь днями «гужевались»
У бабы мужики,
Я ночевал на улице
В погожие деньки.
И лишь на третьем курсе
Квартиру я нашёл,
Где год прожил последний
И больше не ушёл.

31 марта — 3 апреля 2022

Продолжение следует